

УДК 94 (571.1). 05/.06

А.А. Чурсина

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОСВОЕНИЕ ТОМСКОГО УЕЗДА СЛУЖИЛЫМИ ЛЮДЬМИ В XVIII в.

Рассматривается роль и место служилых людей и их потомков в хозяйственном освоении Томского уезда (по материалам Подгороднего и Спасского станов), определяется уровень развития земледелия и скотоводства, проводится сравнительный анализ развития хозяйств служилых людей и крестьян, освещаются неземледельческие занятия жителей Спасской волости, их роль в процессе жизнеобеспечения населения, выявляется фамильный состав крестьян и служилых людей.

Ключевые слова: служилые люди, хозяйственное освоение, генеалогия.

Впервые мысль о заведении пашни в районе Томского уезда была высказана в Москве при организации экспедиционного отряда, направленного для постройки города Томска. Уже в 1604 г. в наказе Г.И. Писемскому и В.Ф. Тыркову, возглавившим отряд, была указана необходимость одновременно с постройкой «и пашни в новом Томском городе промышлять» [1. С. 16]. Как отмечает М.А. Винокуров, «русские земледельцы колонизировали Сибирь почти без всякой экономической связи с ее промышленно-городским освоением. Они находили пригодные для хлебопашества земли и успешно вели на них хозяйство. Едва ли в истории найдется другой народ, который при самых примитивных способах хозяйствования и первобытных путях сообщения проявил бы такой потенциал земледельческой активности» [2. С. 46]. На плечи служилых людей легла обязанность «заводить пашни», ставить остроги, прокладывать путь для крестьянской колонизации. На территории Томского уезда в течение XVII в. возникло несколько земледельческих районов (станов), в статье рассматривается освоение служилыми людьми и их потомками Подгороднего и Спасского станов, возникших раньше, чем все остальные, и ставших основой для дальнейшей колонизации земель Томского уезда.

Г.Ф. Миллер, описывая Подгородний стан, указывал, что «первый дистрикт состоит из деревень, относящихся к городу, делится Томью на две части. Та часть, что лежит восточнее Томи, в канцелярском регистре называется Окологородним станом. Он охватывает приблизительно тридцать деревень, которые расположены частично вверх по Ушайке, текущей через город в Томь, частично на Киргизке, в 8 верстах ниже города с востока впадающей в Томь, а также на других маленьких речках, которые впадают в обе указанные реки и в Томь ниже устья Киргизки» [3. С. 77]. По Переписной книге Томского уезда 1720 г. в Подгород-

ний стан входило семь деревень (так как первые страницы источника не сохранились, дать более точные сведения невозможно) – Аркашева, Софронова, Протопопова, Лоскутова, Кучумова, Пермитина. Из них четыре – д. Аркашева, д. Протопопова, д. Кучумова, д. Софронова – были основаны служилыми людьми. На 1720 г. в Подгороднем стане насчитывалось 65 дворов, из них 40 принадлежали служилым людям, отставным казакам и казачьим детям, 18 – посадским людям, 5 – вдовам служилых людей и два двора – оброчным людям, крестьянские дворы не указаны.

Фамильный состав служилых людей был представлен Аркашевыми, Бажениными, Григоровскими, Гутовыми, Колмогоровыми, Кузнецовыми, Кучумовыми, Нехорошевыми, Оловянишниковыми, Пермитиными, Петуховыми, Плотниковыми, Протопоповыми, Чускаевыми. В динамике можно проследить судьбу потомков служилых людей по следующим населенным пунктам Подгороднего стана: д. Аркашевой, д. Софроновой, д. Протопоповой, д. Вороновой, д. Пермитиной. Так, д. Аркашева была основана в 1675 г. пешим казаком Григорием Семеновым Аркашевым. В 1703 г. он обрабатывал 4,5 десятины в одном поле. В 1720 г. Григорий Аркашев в возрасте 100 лет значился уже отставным пешим казаком, службу нес его сын – Прокофей Аркашев (50 лет). Прокофей «владел санным покосом в пятидесятне Василья Ломова копен на 15», пахоты имел две десятины в поле и отсыпного хлеба не платил. В деревне проживал также внук Григория Аркашова Иван Микифоров Аркашев (казачий сын), обрабатывавший 0,5 десятины в поле «на пашенной земле деда его Григория». К 1759 г. в д. Аркашевой проживали два дворохозяина Аркашевых – Петр Иванов Аркашев (пашни не имел) и Иван Прокофьев Аркашев (обрабатывал 0,5 десятины в одном поле). Помимо представителей фамилии Аркашевых, в деревне проживали также служилые

люди Сартаковы и Нехорошевы. Степан Яковлев Нехорошев (пеший казак) пахал на себя 1,5 десятины и служил без хлебного жалованья, его брат Петр Яковлев Нехорошев (казачий сын) обрабатывал 0,5 десятины в одном поле. А в 1703 г. их отец Яков Иванов Нехорошев возделывал 3 десятины земли в поле. Еще один представитель фамилии Нехорошев – Иван (казачий сын) вместе с сыном Федором (иноземского списка конным казак) обрабатывал две десятины в одном поле. В 1759 г. в деревне было три дворохозяина Нехорошевых, обрабатывавших в общей сложности одну десятину. Сартаков Иван Гаврилов (казачий сын), по данным 1703 г., обрабатывал одну десятину в поле, в 1720 г. – уже 0,5 десятины. Федор Гаврилов Сартаков (отставной конный казак) возделывал 2 десятины, сын его Герасим Федоров Сартаков (конный казак) «служил с отцовою пашни без хлебного жалования». В 1759 г. в д. Аркашевой проживали 4 дворохозяина Сартаковых, возделывавших 1,5 десятины земли.

Итоги хозяйственной деятельности служилых людей данного населенного пункта свидетельствуют о том, что, если в начале века общая запашка составляла 8,5 десятины и в одном поле (2,83 десятины) на двор, то в дальнейшем очевидно резкое уменьшение возделываемых площадей. Так, в 1720 г. обрабатывалось 9 десятин (1 десятина на двор), а к середине XVIII в. – 2,5 десятины (0,3 десятины на двор) [4. Л. 181об; 5. Л. 32–34об; 6. Л. 136об].

Д. Протопопова была основана в 1653 г. сыном боярским Андреем Протопоповым. В 1703 г. сын боярский Микита Андреев сын Протопопов обрабатывал 3 десятины в одном поле. В 1720 г. деревня насчитывала 5 дворов, в которых проживали, помимо Микиты Протопопова, его братья Иван (70 лет), Борис (60 лет), Федор (56 лет), Василий (52 года). Они обрабатывали 10 десятин в поле (в среднем по 2 на двор), максимальная запашка была у старшего сына Ивана (6 десятин). Любопытно, что сын боярский Микита Протопопов по одной заимке «своей пахоты не сказал», а по другой указал о наличии пашни в 1,5 десятины, в то время как в 1703 г. размер его пашни составлял 5 десятин в одном поле. Данные на 1759 г. также свидетельствуют о резком уменьшении пашенных земель в рассматриваемом населенном пункте. Удалось выявить 11 потомков братьев Протопоповых, из которых двое – Борис Иванов Протопопов и Григорий Федоров Протопопов переехали в Томск, Григорий Васильев Протопопов был взят в рекруты. Общее количество обрабатываемой земли составило всего 2 десятины при на-

личии 13 лошадей. Печальна судьба детей Федора Протопопова: один из них, Гавриил, был «хром на ногу», Иван «безумен», а Андрей «ногами увечен». Также «ногами не владел» сын Бориса Дмитрий. Помимо этого, в деревне проживали потомки конного казака Ивана Доманевского – Иван и Яков. Причем Яков обрабатывал 1 десятину земли в одном поле, а Иван переехал на новое место жительства в Томск с двумя сыновьями [4. Л. 13; 5. Л. 40; 7. Л. 597].

Заслуживает внимания судьба потомков служилых людей, проживавших в д. Пермитиной, основанной в 1639 г. посадским человеком Иваном Пермитиным. В 1720 г. в ней насчитывалось 8 дворов посадских людей, один двор оброчного человека и 11 дворов служилых людей. Фамильный состав представлен Большениновыми, Григоровскими, Гутовыми, Кузнецовыми, Оловенишниковыми, Петуховыми, Тарабукиными. Так, к примеру, пеший казак Петр Семенов сын Большенинов (50 лет) обрабатывал одну десятину в поле, служил с пашни, имел сенной покос и на дворе баню. Всего обрабатывалось служилыми людьми 11 десятин в одном поле. В 1759 г. сын Петра Большенинова, который к тому времени умер, Федор, «бежал в Ыркуцк». Сын и два внука Ивана Савинова Тарабукина переехали в Томск, два внука были взяты в рекруты. Потомки же Гутовых, Оловенишниковых, Григоровских – всего 4 дворохозяина – пашни не имели [5. Л. 48–58; 7. Л. 593–594об].

Д. Воронова также была основана посадским человеком Тихоном Вороновым. В 1720 г. в ней проживали Илья Алексеев Халдеев (отставной пеший казак) в возрасте 82 лет, службу нес его сын Иван без уплаты отсыпного хлеба, обрабатывавший 1 десятину земли. Также среди жителей деревни был Степан Никитин сын Плотников (казачий сын). Он возделывал 1,5 десятины в одном поле. В 1759 г. сын Ильи Иван признан «за старостию не годным», внук Алексей «бежал в Ыркуцк», а другой сын Лаврентий переселился в д. Плотникову, сведений о наличии пашни не имеется. Также в д. Вороновой проживали уже 4 дворохозяина Плотниковых, возделывавших в общей сложности 2 десятины земли [5. Л. 42–46; 7. Л. 612–613об].

Д. Сафронова была основана пешим казаком Игнатом Сафроновым до 1702 г. В начале XVIII в. он владел пашней в размере 6 десятин в одном поле и обрабатывал 2 десятины земли. В 1720 г. в деревне насчитывалось 10 дворов служилых людей, 2 принадлежали их вдовам. Описание хозяйств первых жителей деревни и их потомков было бы слишком утомительным для восприятия,

отмечается, что, если в начале века служилые люди Сафроновы, Колмогоровы, Танаевы и Чускаевы возделывали в общей сложности 8,5 десятины земли (в среднем по 0,6 десятины на двор), то к 1759 г. их потомки землю не обрабатывали [4. Л. 178об; 5. Л. 34–39об; 7. Л. 579–580об].

Для Подгороднего стана характерна ситуация, сложившаяся к 1759 г. в д. Баташковой. Здесь обнаруживаются потомки служилых людей Баташковых, Сартаковых и Нехорошевых (всего 8 дворов). Из них земля обрабатывалась только Яковом Степановым Баташковым, четырем человекам дана характеристика «стар и дряхл», «слеп и за тем не годен», «дряхл и за тем не годен», «руками и ногами увечен» [7. Л. 578–578об]. Таким образом, если в 1720 г. общая площадь посевных площадей составляла в Подгороднем стане 38,5 десятины (в среднем по 0,96 десятины на один двор), то к середине XVIII в. служилыми людьми засеивалось 42 десятины, с учетом роста населения на один двор приходилось по 0,37 десятины земли. Если в 1720 г. только 15 % служилых людей не имели пашни, то к 1759 г. среди их потомков насчитывалось 73 % безземельных, только пятая часть разночинцев имела пашню размером 0,5–1 десятина, а по 2 десятины возделывали лишь 6 % потомков служилых людей Подгороднего стана. К сожалению, на конец XVIII в. источников с подворным описанием всех хозяйств Томского уезда до нас не дошло. Ю. С. Булыгин отмечает, что в ГААК «сохранились ведомости, содержащие данные о размерах засеянной пашни в Томском и Кузнецком уездах за 1771–1774 гг.». Общая запашка составляла 301 и 282 десятины соответственно, но провести подробный анализ по отдельным населенным пунктам не представляется возможным [8. С. 15].

В конце 20-х гг. XVII в. по указу царского правительства в 15 верстах от Томска служилые люди и крестьяне основали с. Спасское (Коларово). Это было первое село, выделившееся из Подгороднего стана. В дальнейшем возникли поселения, основателями которых стали служилые и посадские люди. Рядом с Подгородним станом образовался Спасский стан. В первой четверти XVIII в. в его составе удалось установить помимо с. Спасского д. Батурина, Верхнебасандайскую, Ипатову, Калтайскую, Вершинину и Кафтанчикову.

В 1759 г. в ведомстве с. Спасского по ведомости, учиненной в Спасской судной избе о крестьянах и разночинцах, зафиксированы с. Ярское, д. Батурина, д. Шутова по Басандайке, д. Ипатова, д. Калтайская, д. Кафтанчикова и д. Вершинина. В 1720 г. в с. Спасском из 47 дворов 4 принадлежали

служилым людям: иноземского списка конному казаку Ивану Семенову Пахандрину, пешим казакам Алексею Пахандрину, Семену Антипину Одинцову и Прокофию Лазареву Пименову. Из них только Иван Пахандрин обрабатывал пашню размером в 2 десятины в одном поле. Также в селе проживали казачий сын Василий Леонтьев Старичин, владевший кузницей, и Василий Яковлев Ареьев, не имевший угодий. В Спасском селе крестьяне были представлены Гловыми, Дитятыми, Елизарьевыми, Захаровыми, Зоркальцевыми, Карташевыми, Коневыми, Лариными, Маметьевыми, Нарымскими, Портнягиными, Псаревыми, Суходолиными, Сысоевыми, Уртамовыми, Хлебниковыми. Всего насчитывалось 36 крестьянских дворов без учета дворов священника Якова Васильева и дьячка Ивана Евсеева Попова. Крестьяне обрабатывали 82 десятины земли в одном поле (с учетом «государевой пашни», которая составляла 25 десятин), только 7 человек не пахали пашню «на себя». В среднем на один двор приходилось по 1,58 десятины, а если в расчет не брать крестьян, не имевших собственной запашки, то в среднем площадь обрабатываемой земли составляла 1,97 десятины. В 1720 г. у двух крестьян во владении находились мутовчатые мельницы, рыбным промыслом занимались шесть человек [5. Л. 156–171].

В 1759 г. среди разночинцев пашню обрабатывал уже упоминавшийся Иван Семенов Пахандрин с сыновьями Василием, Иваном и Федором в размере 3 десятины в одном поле. Потомки остальных служилых людей пашни не имели. Другая ситуация наблюдается в хозяйствах крестьян, к этому времени в с. Спасском зафиксировано 67 дворов крестьян, из них пашни не обрабатывал 21 человек. В 21 хозяйстве запашка составляла по одной десятине в одном поле, в 11 – по две, в 4 по три, в 7 – по 5, у Григория Григорьева Карташова и Матвея Федорова Маметьева в обработке находилось по 6 десятин земли, у Якова Матвеева Зоркальцева пашня составляла 10 десятин. В среднем на один двор приходилось 1,67 десятины, а если не учитывать безземельных крестьян, то 2,43 десятины [7. Л. 654–668].

В Государственном архиве Томской области удалось обнаружить «ведомость, учиненную в Спасском волостном суде, коликое число в оной состоит мужеска и женска пола душ и в посеве озимого и ярового хлеба и у кого сколько имянно» за август 1798 г. По селу Спасскому на 57 дворов, где проживали 173 д.м.п. и 177 женского (среди всех малолетних было 110 человек), возделывалось 52 десятины ржи, 49,5 – пшеницы, 2 – ячме-

ня, 56 – овса, 8,5 льна и 0,5 – конопли. Все зерновые высевались на 160 десятинах, в среднем на один двор приходилось почти по 3 десятины и на одного человека примерно по 0,5 десятины. Среди потомков служилых людей землю обрабатывали Иван Иванов Пахандрин (3 десятины), Федор Иванов Пахандрин (1,75 десятины), Андрей Васильев Пахандрин (3,25 десятины). У Андрея Семенова Одинцова под посевами было 1,5 десятины. Алексей Осипов сын Балахнин с братом Василием возделывали 1 десятину пашни. Среди крестьян беспашенных было 8 человек, остальные занимались хлебопашеством, хотя рост посевных площадей по сравнению с началом века наблюдался небольшой (на 1 десятину) [9. Л. 515–516об].

В д. Батуриной в начале XVIII в. насчитывалось 19 дворов, из них 12 принадлежали служилым людям и казачьим детям, 4 – посадским людям, 2 – вдовам. Семейный состав представлен Банщиковыми, Барабановыми, Вагинными, Вымятениными, Жуковыми, Лузинными. Всего они обрабатывали 6 десятин в одном поле, по 0,5 десятины приходилось в среднем на один двор. В середине XVIII в. семейный состав остался прежним, в ней также насчитывалось 12 дворов разночинцев, общая запашка возросла на 3 десятины. Так, иноземского списка конный казак Иван Осипов Жуков в 1720 г. пашни не имел, а его сын Илья Иванов Жуков возделывал 1 десятину. Казачий сын Антип Васильев Лузин имел пашню размером в 1 десятину, в середине XVIII в. его сын Алексей обрабатывал уже 5 десятин. В то же время потомки Банщиковых и Барабановых либо не имели пашни вовсе, либо она сократилась на 0,5 десятины по сравнению с началом века. В 1798 г. в деревне зафиксировано 17 дворов, все они принадлежали потомкам служилых людей, безземельными были Яков Ларионов, Осип Афанасьев, Михаил Петров Лузины. Банщикоу среди дворохозяев не числятся вовсе. Зерновые культуры высевались на 28 десятинах, в среднем на двор приходилось по 1,6 десятины, таким образом, пахотные наделы увеличились в течение века на 1 десятину [5. Л. 174–181об; 7. Л. 668–670].

Д. Ипатоу, основанная в 1672 г. спасским помещиком Ипатовым, насчитывала 15 дворов, из них 14 принадлежали служилым людям и казачьим детям, носившим фамилию Байгуловых, Белоусовых, Дементьевых, Ипатовых, Каповых, Поповых, Хлебниковых, Шубиных. Наибольшая запашка в 1,5 десятины была у отставного пешего казака Ивана Ипатоу Большого с сыном Андреем, который состоял в пешей службе и нес ее без хлебного жалованья. Отставной пеший казак Борис Ипатов

обрабатывал 0,5 десятины земли, пеший казак Алексей Ипатов – одну; пеший казак Петр Ипатов запашки не имел. В целом по дворам пашня насчитывалась от 0,5 до 1 десятины в одном поле. К середине XVIII в. в деревне насчитывалось 12 дворов разночинцев, пашню имели только потомки казачьего сына Ивана Прокопьева Белоусова. Три его внука обрабатывали по одной десятине каждый, и, хотя размер пашни на один двор не увеличился, общая площадь запашки потомков Ивана Белоусова возросла. К концу XVIII в. в д. Ипатовой насчитывалось 12 дворов, все дворохозяева носили фамилию Поповых, два человека пашни не имели, всего же под зерновыми культурами находилось 20,5 десятины земли, на один двор в среднем засеивалось по 1,7 десятины земли, что свидетельствует о росте посевных площадей [5. Л. 195–205; 7. Л. 673–674об].

Д. Калтайская в начале XVIII в. насчитывала 6 дворов, в двух проживали казачий сын Семен Максимов Смокотнин и казачий сын Лука Иванов Смокотнин, обрабатывавшие 0,25 и 0,5 десятины земли соответственно. Еще одним двором проживала вдова казачьего сына Максима Смокотнина Марфа Лукьянова дочь с сыновьями Иваном и Лукой, ее пашня составляла 0,25 десятины в поле. В 1759 г. в деревне было всего 4 двора, все дворохозяева носили фамилию Смокотниных, причем в двух хозяйствах наблюдался резкий рост пашенной земли. Так, в хозяйстве Ивана Максимова Смокотнина пашня составляла 9 десятин, а в хозяйстве его брата Луки – 6 десятин. Возросла запашка и у Ивана Лукьянова Смокотнина на 1,5 десятины по сравнению с отцовской [5. Л. 205об–210об; 7. Л. 675–676об].

Любопытны результаты развития земледельческих хозяйств разночинцев в д. Вершининой. В 1720 г. в ней было 7 дворов, принадлежавших служилым людям и казачьим детям Вершининым, за исключением двора пешего казака Тимофея Турускова. Запашка служилых людей Вершининых не превышала одной десятины на один двор. В середине XVIII в. в деревне было 12 дворов, 10 принадлежали разночинцам Вершининым и 2 – Кузнецовым, а Тимофей Турусков значился умершим (в возрасте 80 лет). Запашка Ивана Григорьева Вершинина возросла на 1,5 десятины и составила 2 десятины в одном поле; внуки отставного конного казака Алексея Прокопьева Вершинина Степан, Григорий и Василий обрабатывали одну, три и пять десятин земли соответственно; внук казачьего сына Алексея Семенова Вершинина Михаил увеличил запашку с 1 до 2 десятин; сыновья Ивана Борисова Вершинина Василий и

Егор имели запашку по 2 десятины каждый, в то время как отец обрабатывал 0,5 десятины в одном поле; сыновья казацкого сына Федора Ларионова Вершинина Григорий, Семен и Иван обрабатывали 1, 5 и 3 десятины соответственно; и, наконец, сын Матвея Вершинина Иван сумел увеличить свою пашню до 5 десятин, в то время как вдова Матвея Вершинина Прасковья в 1720 г. никакой запашки не имела. Таким образом, в середине XVIII в. размеры пашни у разночинцев д. Вершининой были значительными, не было ни одного двора, где бы пашня отсутствовала [5. Л. 213–215; 7. Л. 678–682].

Подводя итоги земледельческому освоению земель Спасского стана за период с 1720 по 1759 г., можно сказать, что к середине века увеличился процент беспашенных дворов, но не в таком соотношении, как в Подгороднем стане, их количество составило 32 % (30 дворов), большинство хозяйств составляли те, где возделывалось от 0,5 до 2 десятин земли (45 %, 42 двора). Не наблюдается какого-либо масштабного увеличения и прироста пашенных площадей в хозяйствах разночинцев. Только в д. Калтайской и Вершининой отмечен рост посевных площадей на 2–5 десятин в отдельных хозяйствах потомков служилых людей.

Тем более ценны и интересны сведения, полученные при сопоставлении уровня развития земледелия в хозяйствах потомков служилых людей и крестьян, проживавших в с. Спасском. Несмотря на то, что 15 % крестьян к концу века не имели пашен, рост посевных площадей составил 1,5 десятины на один двор в течение века. Оценивая итоги аграрного развития Спасской волости к концу XVIII в., Н.Ф. Емельянов установил, что в 1799 г. на зерновые культуры приходилось около 230 десятин, или по 0,3 десятины на человека, что, без сомнения, мало, почти на половину меньше, чем по с. Спасскому [10. С. 69]. Таким образом, Спасская волость оставалась в земледельческом отношении слабо развитой, несмотря на усилия потомков служилых людей и, особенно, крестьян. К концу века в волости отсутствовали рыбные и лесные промыслы, сильнее развивалось скотоводство. По данным на 1759 г. удалось установить количество лошадей в хозяйствах разночинцев и крестьян. По Подгороднему стану из 112 дворов разночинцев безлошадными были 28 (25 %) дворохозяев, причем рядом с 10 фамилиями стоит отметка «хвор», «хром на левую ногу», «ногами не владеет», «дрякл», в то время как посевов не было у 82 разночинцев (73,2 %). Всего в хозяйствах разночинцев насчитывалось 136 лошадей, в 52 – по одной лошади (около 40 % хозяйств), в 22 – по

две, в 6 – по три, в 3 – по четыре, в хозяйстве Якова Толмачева было 10 лошадей [7. Л. 576–618].

Что касается Спасского стана, то здесь из 93 дворохозяев-разночинцев лошадей не имели лишь 10 человек (11 %), всего насчитывалось 198 лошадей, в среднем по 2 на один двор (больше, чем в Подгороднем стане). В 32 дворах было по одной лошади, в 24 – по две, в 11 – по три, в 7 – по 4, в 5 – по 5, в 3 – по 6, в хозяйстве Ивана Максимова Смокотнина насчитывалось 14 лошадей. Любопытные результаты дает сравнение количества лошадей в хозяйствах крестьян и разночинцев с. Спасского. В середине XVIII в. у Ивана Семенова Пахандрина было 3 лошади, у Афанасия Васильева Старицина – 2, у Андрея Семенова Одинцова и Осипа Иванова Балахнина – по одной. У крестьян из 67 дворохозяев 10 (15 %) лошадей не имели, в среднем на один двор приходилось около 3 лошадей (больше, чем в хозяйствах разночинцев обоих земледельческих районов). У трех крестьян было по 10 лошадей, у двух – по 6 и 8. По одной лошади было у 20 крестьян (35%) [7. Л. 655об–707].

К сожалению, не сохранилось сведений о наличии скота по каждому хозяйству Спасского села в конце XVIII в. Удалось установить, что в 1799 г. на 59 дворов приходилось 647 голов скота, или в среднем по 11 голов. Среди всех выделялись крестьянские хозяйства Алексея Карташова, Афонасия Конева, Василия Ларина, Ивана Конева, Федора Маметева, Ивана Зоркольева, Михаила Карташова, Петра Пахандрина, которые содержали от 20 до 30 голов [11. Л. 46]. Опись, «учиненная в Спасском волостном суде о погорении с. Спасского у крестьянина Федора Пахандрина хоромного строения и протчего», дает возможность проследить, что было в хозяйстве у крестьян в имущественном плане. Так, «хоромного строения со двором» сгорело на 60 руб., «в покое святых образов» – на 5 руб., «платья и обуви мужского и женского» – на 30 руб., конской упряжи – на 10 руб., кос, серпов, топоров – на 6 руб., «разного хлеба и харчу» – на 20 руб., посуды – на 15 руб., свиней – на 5 руб. [12. Л. 107]. Таким образом, скотоводство в хозяйствах крестьян Подгороднего и Спасского станов занимало ведущую роль. Ведомость на 1794 г. содержит информацию о продуктах, находившихся в продаже, и ценах на них: мясо говяжье свежее стоило 60 коп. за пуд, мясо барашка – 20 коп., свиное – 20 коп., масло – 4 р. 20 коп. за пуд, один гусь – 25 коп., одна пара уток – 12 коп., поросенок – 15 коп., курица – 10 коп., яиц десяток – 3 коп. [13. Л. 32об].

Что касается развития ремесел и промыслов, отмечается отсутствие «рыбного и звериного про-

мысла» к концу XVIII в. в Спасской волости (объединившей подгородные земли). В то же время ее жители приспосабливались к нуждам городского хозяйства и соседних волостей, стремились обслуживать их транспортом, поставками леса и дров, извести. Например, в 1793 г. крестьяне д. Батуриной Суранов, Вагин, Барабанов и Шубин подрядились поставить в д. Вершинину Варюхинской волости 660 пудов жженой извести, 13 крестьян Спасской волости не доставили Вороновскому винокуренному заводу за 1788–1791 гг. в большом количестве обручи, дрова и бочатый лес. Среди не выполнивших обязательства числились Василий Попов, Яков и Дмитрий Поповы, Дмитрий Плотников, Данил Болтовский [12. Л. 150б–16]. О продаже дров крестьянами Спасской волости говорится в «Ведомости... жительствовавшим крестьянам сколько потребно ежегодно лесу на дрова по числу печей в избах, банях и для овинов ... также на другие крестьянские необходимые надобности». В с. Спасском на продажу требовалось лишь 5 поленей, в то время как для топки печей в избах – 898; в д. Аникиной и Шутовой для собственного потребления – 231 полено, а для продажи – 126; в д. Ипатовой для топления изб было необходимо 187, а для продажи – 64; в д. Лучановой – 90 и 42 соответственно [11. Л. 103–105].

Подводя итог исследованию хозяйственного освоения Подгороднего и Спасского станов служилыми людьми и их потомками, можно сделать вывод, что служилые люди стали первыми, кто

начал осваивать указанные земли в сельскохозяйственном отношении, крестьяне проживали лишь в с. Спасском. Увеличение посевных площадей на протяжении XVIII в. было незначительным, многие потомки служилых людей перестали обрабатывать землю, небольшой, но стабильный рост посевных площадей отмечался в с. Спасском, большинство жителей которого составляли потомки крестьян-первопоселенцев.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кузнецкие акты* XVII – первой половины XVIII вв. Сборник документов. Кемерово, 2000. Вып. 1.
2. *Винокуров М.А.* Экономико-географические особенности аграрного освоения Сибири // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск, 1999. С. 46–53.
3. *Миллер Г.Ф.* Историко-географическое описание Томского уезда (1734 г.) // Источники по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1988. С. 65–101.
4. *Российский государственный архив древних актов* (РГАДА). Ф. 214. Кн. 1371.
5. *Государственный архив* Томской области (ГАТО). Ф. 321. Оп. 1. Д. 1а.
6. *Государственный архив* Алтайского края (ГААК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 308.
7. *ГААК*. Ф. 1. Оп. 1. Д. 328.
8. *Булыгин Ю.С.* Приписная деревня Алтая в XVIII в.: в 2 ч. Ч. 2. Барнаул, 1997.
9. *ГАТО*. Ф. 259. Оп. 1. Д. 5.
10. *Емельянов Н.Ф.* Заселение русскими Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск, 1981.
11. *ГАТО*. Ф. 259. Оп. 1. Д. 6.
12. *ГАТО*. Ф. 259. Оп. 1. Д. 1.
13. *ГАТО*. Ф. 259. Оп. 1. Д. 4.